

Марк Волков

Дерево миров

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.9
ББК 84(2)6
В67

Волков М. В.

Дерево миров / М. В. Волков — Москва: ЛитРес: Самиздат,
2018. — 320 с.

Эти пятеро видели и пережили такое, что свело бы с ума любого. Величественный город из пара в небесах, пещеры с кровоточащими и стонущими камнями, прыжок в просыпающийся вулкан, меняющий законы физики Лес и ноша ответственности за мир, оказавшийся на краю пропасти. Им нет и двадцати. Но Путь сделал их мудрецами и воинами, вырвав из комфортной жизни в деревушке, утопающей в зарослях цветов размером с деревья. Герой-из-ниоктуда, не уверенный ни в чем и нуждающийся в друзьях парень, повел их по Пути, непосильному персонажам древних легенд. На его глазах Печати, спасающие от ночных кошмаров наяву.

Пролог

«Это безумие, безумие, безумие! Это полнейшее безумие!», – Ян Серовски сжимал кулаки, делая один глубокий вдох за другим.

Из недра горы поднимались рокочущие волны. Этот рокот был настолько низким и густым, что физически ощутимо давил на барабанные перепонки. Вулкан Маррокон просыпался. И он был недоволен. Казалось, что после следующего толчка само небо обрушится на голову, и зажатое между небесами и землей мироздание схлопнется до узкой щели. Ян пятился назад от края пропасти – там, где они с Эои стояли буквально минуту назад, зияла тьма бездонного кратера. Девушка держала его за руку и с ужасом вглядывалась вниз.

Оглушительный грохот и – через мгновение – взрыв!

Ян и Эои кубарем покатались вниз, сбитые ударной волной. Из кратера поднимался столб черного пепла, ошетилившийся миллионами красных искр. Волна обжигающего воздуха ударила в лицо, заставив инстинктивно прижать подбородок к груди и отвернуться.

«Как горячо!», – поймал себя на мысли Ян.

Кто-то кричит...

Сердце внутри бьется так медленно, так гулко:

«То-томм!»

«То-томм!»

Где...

Я...

Крик...

Ян очнулся: Эои хрипло кричала от страха, обняв его и вцепившись ногтями ему в спину.

Лицо! Мое лицо!

Все, все хорошо, с ним все хорошо... – проговорил Ян, взглянув на красное от жара, но невредимое лицо подруги.

Эои судорожно всхлипнула и уткнулась в его ключицы. Ян с трудом встал и закинул вверх голову. Облако пепла закрыло небо, погружив вершину горы в сумерки.

Ян знал, что он должен сделать. Но нет! Нет-нет-нет! Это полнейшее безумие. Это невозможно! Глупое самоубийство. Ян облизал пересохшие губы и попытался сосредоточиться.

Гррро-охот!

Сокрушительный, на мгновение вышибающий из реальности звук.

Мучительная судорога скалы под ногами.

Подброшенные в воздух Ян и Эои упали друг на друга, а вулкан, будто подавившись собственной яростью, изрыгнул лавину пепла. Тяжелые тлеющие хлопья тут же устремились вниз серой стеной.

Ян шумно выдохнул и перевернулся. Лежавшая под ним Эои вытянула вперед руки. Все вокруг было покрыто толстым слоем мягких удушающе пахнущих хлопьев. Казалось, в воздухе почти не осталось кислорода – вдох полной грудью не приносил облегчения.

Небо, вроде бы, на месте. Все живы. Это хорошо. Голова цела, ноги целы. Хорошо...

Недолгое затишье позволило собраться с мыслями. Будто еще вчера, а не несколько долгих месяцев назад, Ян бродил по пустым аллеям Кенсингтонских садов а знакомом и таком обычном Лондоне. В тот самый день, когда неведомый каприз Мироздания забросил его сюда, в этот удивительно красивый и таинственный мир Велколесья. Деревенька в зарослях гигантских цветов, тайна древней поэмы Деяτισловья, дикий ужас пещер с кровоточащими и стонущими камнями, молчаливые духи деревьев, короткие схватки не на жизнь а на смерть, смех новых, быстро ставших родными друзей.

Все это не могло закончиться вот так тупо – смертью в жерле вулкана. Все это было слишком невероятным, чтобы оказаться полной бессмыслицей.

Что там – в багровом зареве бездны? Пронизывающий каждую мысль, каждый темный уголок сознания, ужас. Этот непреодолимый страх. Страх, естественный, как сама жизнь. Страх, который всегда был с тобой, каждый день прятался в тени, шел за тобой по переулкам сознания. Неуклонно преследовал, старясь не показываться на глаза. Лишь порой по ночам он подходил на шаг ближе. Со спины, невидимый.

Могущественный.

Непререкаемый.

Страх смерти.

Страх смотрел на Яна мигающим красным огоньком.

Ян прищурился, фокусируя взгляд. Как красиво!..

Ян смотрел на тлеющую паутинку пепла. Красные змейки с длинными черными хвостами металась по ней, то пропадая, то вновь появляясь. Их легкий бег пожирал тонкую ткань, не оставляя после себя ничего.

Убийственная красота. Красота грани между жизнью и смертью.

Ян вскинул голову, резко встал и шагнул навстречу жару жерла. Еще несколько шагов.

Прикрыть руками лицо!..

Не помогает.

В раскаленном мареве, кажется, плавится сам воздух. Как же здесь стало темно!

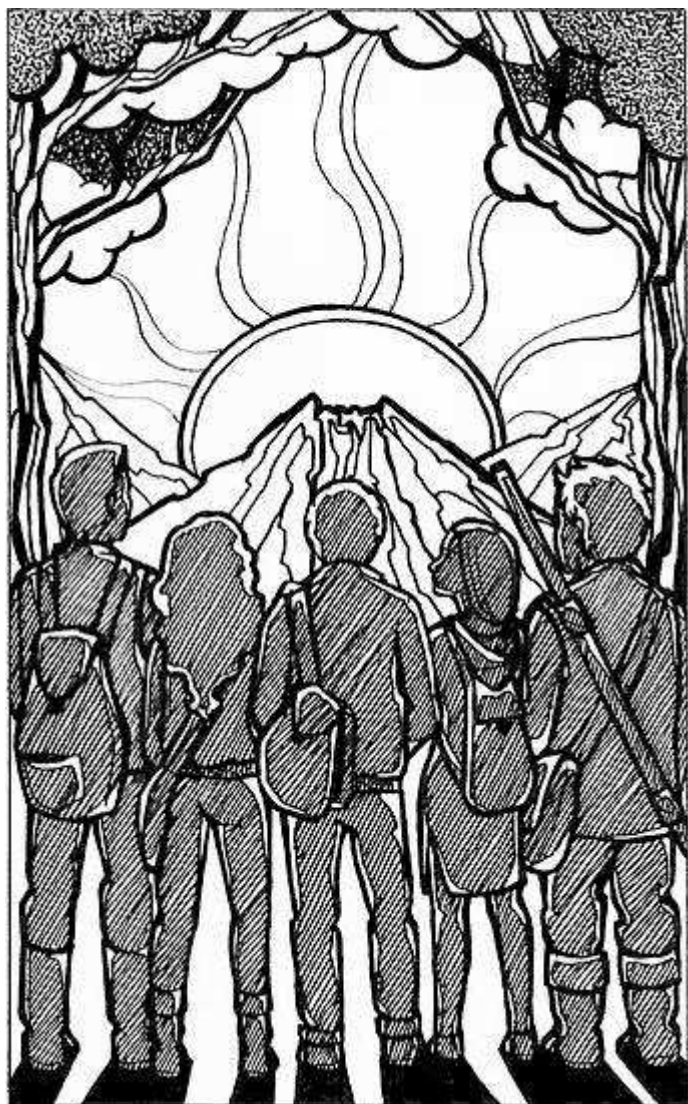
Кажется, Эои что-то кричит. Ян повернул голову.

Умоляющий взгляд.

В отчаянии она закрывает рот ладонями и качает головой, будто не веря своим глазам. Кажется, в ее глазах слезы? Почти ничего не видно. Палящий воздух обжигает губы и десны на вдохе.

Ян Серовски медленно расставил руки, чуть виновато взглянул на Эои, затем сомкнул веки, изо всех сил судорожно вдохнул и шагнул в пропасть.

**3 месяца назад. Глава I:
Мрачное утро хорошего дня**

Бесконечное море зеленых волн мерно раскачивалось, отпуская из своих пылающих объятий алый шар солнца. Колыхающийся горизонт медленно и осторожно приподнял невидимой рукой огненное светило, еще мгновение, и торжествующее сияние жизни оза-

рило Великолесье от края до края. Легенда гласит, что в начале времен Великий Лес родил Солнце и с тех пор оно перерождается заново каждый день, чтобы дарить живительный свет всей Поднебесной. Согревая все живое, Солнце дает Лесу силу жить и оставаться таким, какой Он есть. Вечером, возвращаясь в родное лоно, Солнце принимает жизнь от Леса и на рассвете снова дарит тайну жизни миру. Так жизнь не прекращается и не закончится никогда. Сотни и тысячи лун пройдут, оставляя после себя удивительные истории народов и их героев, повести о великих событиях, легенды и были о добре и зле, памятники могущественной магии и непобедимой любви. Миллионы сердец родятся и покинут этот свет, сплетая собой бесконечную нить Судьбы Мира – а мудрое Солнце и полный тайн Великий Лес останутся прежними, такими как были всегда.

Величественное зрелище рассвета разбудило маленькую деревушку Малован за несколько минут: сонно захлопали ставнями приземистые домики, заскрипели мостки и телеги, и в воздухе разлился терпкий аромат яр – гигантских величиной с дом белых цветов, заросли которых и являлись единственной достопримечательностью скромного поселения отонцев. Вообще, если посмотреть на Малован со стороны, то может показаться, что перед Вами огромный сад – на пестром ковре многоцветья там и тут возвышаются толстые стебли цветов-гигантов с соцветиями, похожими на большие зонты летних кафе в парке, только живыми и покрытыми капельками росы. Мощные стволы чуть согнуты под тяжестью ярко-красных и фиолетовых, пурпурных и голубых бутонов, по каждому из которых скользит свой особый узор из жилок и пятнышек. Взгляд теряется в запутанном калейдоскопе цвета и форм, и дыхание замирает при виде такой красоты. Но королями этого праздника жизни каждое утро становятся ослепительно-белые яры. Тонкие линии их огромных лепестков сравнивают в стихах с движениями танца юной красавицы, и не зря – с величественной грацией раскрываются головки первоцветов нового дня от прикосновения самых ранних лучей рассвета:

Отонская баллада: Танец с росой

Как от первых лучей нового дня
Оживают белые лепестки,
Так и все вокруг, созерцая тебя
Ловят взгляд и движение руки

Утро жизни моей осветила собой,
И проснулась песня в груди -
В трех словах и в мелодии тихой, простой
Отражение свое ты найди.

Среди сада красавиц тебя отыскал
И не вижу теперь никого -
Окружающий мир для себя потерял
Потому что пришла ты в него

Закрывая глаза, отправляюсь я в путь
Вспоминаю тот утренний час
Когда чудо-судьба мне судила взглянуть
На твой танец с росой в первый раз.

Олин Магарэт открыл глаза и тут же зажмурился, отворачиваясь от окна – сквозь волнистое стекло бил яркий солнечный свет. Кто-то хриплым голосом пел на улице балладу, изрядно фальшивя на высоких нотах. Олин поморщился и потянулся, поправляя одеяло из мягкой шкуры. «Раз старик Хорт пытается петь, значит уже позднее утро и пора вставать» – подумал он и уверенно сел на кровати. Уютная комната на первом этаже дома между двумя ярами выглядела как обычно: посередине угловатый деревянный стол, такого же свойства стул, на столе – завтрак из трёх ломтей серого хлеба с зернами и кувшина свежего молока. Сундук с одеждой так и остался не закрытым со вчерашнего вечера, потому что лень было вылезать из-под одеяла ради такого пустяка... Слегка покосившаяся циновка на стене несколько не изменилась со вчерашнего дня – тот же орнамент и те же сцены охоты на древних зверей... «Отец!» – вне-